
СЛАБОЕ
место
ЛИН ВЭЛ

Лин Вэл

Слабое место

«Автор»
2026

Вэл Л.

Слабое место / Л. Вэл — «Автор», 2026

ОНА — ДОЧЬ КРИМИНАЛЬНОГО АВТОРИТЕТА. ОН — НАЁМНИК, КОТОРОМУ ЗАПЛАТИЛИ, ЧТОБЫ ЕЁ ПОХИТИТЬ.Лина Соколова привыкла к роскоши, отцовской опеке и жизни под постоянной охраной. Но за красивой картинкой скрывается золотая клетка, из которой она мечтает вырваться.Тим Орлов не верит в любовь, не привязывается к людям и всегда доводит заказы до конца. Его новое задание — похитить дочь человека, с которым опасно переходить дорогу.Всё должно было пройти по плану. Но чем дольше Тим наблюдает за Линой, тем сложнее ему оставаться равнодушным. А когда похищение становится началом куда более опасной игры, он понимает: главная угроза может скрываться не снаружи, а среди тех, кому они оба доверяли.Сможет ли девушка увидеть за маской наёмника человека? И какую цену им придётся заплатить за чувства, которых никто из них не искал?Иногда самое слабое место — тот, кого боишься потерять.

© Вэл Л., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Плейлист настроения книги : 6
ГЛАВА 1. ПРАВИЛА ХОРОШЕЙ ДЕВОЧКИ 7
ГЛАВА 2. ЦЕНА ТИШИНЫ 11
ГЛАВА 3. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ ЗАПИРАЮТ 14
ГЛАВА 4. ТРИ НЕДЕЛИ НАБЛЮДЕНИЯ 17
ГЛАВА 5. СУМЕРКИ И ДРУГИЕ КАТАСТРОФЫ 20
ГЛАВА 6. НЕ ТА СТОРОНА ДВЕРИ 25
ГЛАВА 7. ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОСТИ 28
ГЛАВА 8. НОМЕР, КОТОРЫЙ НЕ ОТВЕЧАЕТ 31
ГЛАВА 9. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖДЁТ 34
ГЛАВА 10. ОДНА МИНУТА 38
ГЛАВА 11. ИМЯ ИЗ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ 41
ГЛАВА 12. ТРЕЩИНА В ПЕРИМЕТРЕ 44
ГЛАВА 13. ПОПЫТКА ВЕРНУТЬ СЕБЕ НЕБО 47
Конец ознакомительного фрагмента. 49

Лин Вэл
Слабое место

Плейлист настроения книги :

Chase Atlantic — Swim
Chris Grey — LET THE WORLD BURN
Arctic Monkeys — Do I Wanna Know?
The Weeknd — The Hills
Camila Cabello — Shameless
Halsey — Control
Три дня дождя — Демоны
Мот — Капкан
Агата Кристи — Как на войне
Lana Del Rey — Young and Beautiful

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

До того, как всё изменилось

ГЛАВА 1. ПРАВИЛА ХОРОШЕЙ ДЕВОЧКИ

У Лины Соколовой было три правила.

Первое: никогда не садиться в машину к незнакомцам, даже если они уверяют, что знают её отца.

Второе: не спорить с отцом до кофе. После кофе тоже не спорить, если рядом стоит Антон, начальник его охраны, но это уже было не правило, а вопрос выживания.

И третье: «Сумерки» нельзя смотреть без Вики. Это было святое.

— Ты опять бежишь так, будто за тобой гонятся, — сказала Вика, когда Лина остановилась у ограды городского парка.

— За мной обычно гонятся. Просто сегодня у них выходной.

Вика фыркнула и протянула ей бумажный стаканчик. На крышке маркером было выведено: «Для самой несносной». Лина посмотрела на надпись, потом на подругу.

— У тебя отвратительный почерк.

— Зато прекрасный характер.

— Это спорное утверждение.

Они стояли у маленькой кофейни, где по утрам пахло корицей, мокрыми куртками и свежемолотыми зёрнами. Ноябрь выдался сырым: асфальт блестел после ночного дождя, с деревьев срывались последние листья, а город выглядел так, будто его забыли выключить на ночь.

Лина сделала глоток. Кофе оказался слишком сладким, но она не стала жаловаться. Вика и так помнила, что Лина пьёт без сиропа, просто иногда намеренно ошибалась — из принципа.

— Как ты? — спросила Лина.

— Нормально.

— Это не ответ.

— Это универсальный ответ. Подходит для всего: от «как дела?» до «почему ты плачешь в ванной на корпоративе?»

— Ты плакала в ванной на корпоративе?

— Нет. Но теперь, когда ты спросила, возможно, начну.

Лина улыбнулась. Вика умела шутить так, чтобы никто не заметил, насколько тщательно она прятала от людей собственные чувства. Иногда Лине хотелось взять её за плечи и встряхнуть: не потому, что та была слабой, а потому, что слишком часто принимала чужую жестокость за доказательство собственной никчёмности.

Они познакомились семь лет назад на этой же беговой дорожке. Тогда Вика была в старой толстовке на два размера больше, с дешёвыми наушниками и таким выражением лица, словно заранее извинялась за то, что занимает место на планете. Несколько подростков возле спортивной площадки что-то крикнули ей вслед. Лина тогда даже не знала, что сказала — просто остановилась и спросила, не хотят ли они повторить свои слова ей в лицо.

Подростки не захотели.

Вика после этого три километра бежала рядом молча, а на следующий день принесла Лине шоколадку. С тех пор они были почти неразлучны.

— Ты сегодня в студию? — спросила Вика.

— До обеда. Потом встреча с заказчиком, который считает, что слово «минимализм» означает «сделайте всё золотым». Вечером — домой.

— Ты говоришь «домой» так, будто тебя отправляют в ссылку.

— Иногда разница неочевидна.

— Опять папа?

— А кто же ещё? Мой любимый источник головной боли.

Вика осторожно посмотрела на неё.

— Он просто переживает.

— Вика, если бы переживания можно было измерить в килограммах, мой отец давно бы задавил ими весь город.

— Ты же знаешь, почему он такой.

Лина знала. По крайней мере, думала, что знала. Виктор Соколов слишком рано потерял жену, слишком долго жил в мире, где слово «безопасность» означало не ремень в машине, а людей с оружием у двери. Он любил дочь — в этом Лина не сомневалась. Просто его любовь всегда выглядела как закрытые ворота, проверенные маршруты и звонки каждые сорок минут.

Иногда ей казалось, что отец не замечает: она давно выросла.

— Я знаю, — сказала она. — Но это не отменяет того, что у меня есть собственная голова. И, между прочим, весьма симпатичная.

— Скромность тебе тоже очень идёт.

— Я не обязана быть скромной. У меня зелёные глаза и абонемент в спортзал. Этого достаточно.

Вика рассмеялась. Лина любила этот звук — лёгкий, немного хриплый, по-настоящему живой. Ради него она могла выслушать ещё десяток шуток про свой характер.

Телефон завибрировал в кармане куртки.

«Папа».

Лина посмотрела на экран и тяжело вздохнула.

— Вот и позывные из бункера.

— Ответь. А то он пришлёт вертолёт.

— У него есть вертолёт?

— Я не знаю. Но ты сейчас проверишь.

Лина приняла вызов.

— Доброе утро, пап.

— Ты где?

Ни приветствия, ни вопроса о том, как спалось. Виктор Соколов не тратил слова на вежливые вступления, когда считал, что время имеет значение.

— В парке.

— С кем?

— С президентом. Мы обсуждаем бюджет.

— Лина.

— С Викой. Мы бегали.

— Почему я узнаю об этом не от Антона?

— Потому что Антон не обязан знать, сколько километров я пробежала. И потому что я не подавала заявку на прогулку.

На другом конце повисла короткая тишина.

— Сегодня после студии сразу домой.

— У меня встреча.

— Отмени.

— Это рабочая встреча.

— Я сказал — отмени.

Лина сжала стаканчик так, что бумага чуть хрустнула.

— Пап, мне двадцать четыре.

— Я помню.

— Иногда кажется, что нет.

— Не начинай.

— Я даже не успела. Ты начал первым.

Вика отвела взгляд, делая вид, что изучает меню кофейни. Лина отвернулась к парку. На дорожке мимо пробежала женщина с золотистым ретривером; собака с интересом посмотрела на неё, будто сочувствовала.

— Антон будет ждать у студии, — сказал Виктор.

— Конечно. А ещё он будет выбирать мне одежду, проверять сообщения и чистить зубы по расписанию?

— Не смешно.

— Зато правдиво.

— Лина, я не обсуждаю это по телефону. Вечером поговорим.

— Удивительно. Обычно ты не обсуждаешь это вообще.

Она сбросила вызов раньше, чем отец успел ответить.

Вика осторожно протянула руку и коснулась её локтя.

— Дыши.

— Я дышу.

— Ты сейчас дышишь так, будто собираешься перегрызть кому-нибудь горло.

— Только если он сам попросит.

Лина выбросила пустой стаканчик и посмотрела на часы.

— Мне пора. Увидимся вечером?

— Конечно. Я куплю пиццу. И приготовлю что-нибудь для просмотра.

— Что-нибудь — это попкорн или твой знаменитый салат из всего, что нашлось в холодильнике?

— Не обижай моё кулинарное искусство.

— Я не обижаю. Я предупреждаю желудок.

Они обнялись. Вика пахла ванильным кремом и стиральным порошком. Лина задержалась на секунду дольше, чем обычно. Ей почему-то не хотелось отпускать этот маленький, понятный кусок мира.

Она ещё не знала, что очень скоро будет вспоминать утро у кофейни как последнее, когда всё было на своих местах.

* * *

В студии «Линия» пахло бумагой, кофе и свежей краской. На стенах висели варианты интерьеров, цветовые палитры и фотографии домов, которые пока существовали только в чужих презентациях.

Лина любила это место. Здесь никто не называл её «дочерью Виктора Соколова», не спрашивал, есть ли у неё охрана, и не говорил, что отец уже всё решил. Здесь её идеи могли отвергнуть, макет — переделать, а ошибку — разобрать по пунктам. Это было честнее большинства разговоров дома.

— Соколова, — позвал из переговорной руководитель проекта Артём. — Спаси меня.

— Я сегодня не принимаю заявки на спасение.

— Заказчик хочет золотые ручки.

— На кухне?

— На всём.

Лина прикрыла глаза.

— У нас минимализм или дворец человека, который только что выиграл лотерею?

— Я ему сказал примерно то же самое. Он обиделся.

— Тогда давай я скажу точнее.

Она вошла в переговорную, неся с собой планшет и остатки терпения. Через сорок минут заказчик согласился на латунные акценты вместо золотого блеска, Артём перестал нервно постукивать ручкой, а Лина получила обещание, что её правки не будут «немного улучшать» без согласования.

Работа закончилась позже, чем она рассчитывала. Когда Лина вышла на улицу, у тротуара стоял чёрный внедорожник. Антон, как всегда, был возле водительской двери.

Ему было сорок с небольшим. Короткие волосы, спокойное лицо, простая тёмная куртка. В толпе он ничем не выделялся — ровно до того момента, когда начинал смотреть на человека. В этом взгляде было что-то неприятно внимательное.

— Добрый вечер, Лина.

— Антон, ты опять преследуешь меня. Это уже нездоровые отношения.

— Ваш отец попросил отвезти вас домой.

— Он мог попросить меня сам. У него есть мой номер.

— Вы не ответили бы.

— Вот видишь. Ты понимаешь меня лучше, чем он.

Антон открыл заднюю дверь.

— Поехали.

Лина задержала на нём взгляд.

— Что случилось?

— Ничего.

— Ты плохо врёшь.

— Я не вру.

— Тогда плохо скрываешь, что врёшь.

Антон не ответил. Лина села в машину, но не пристегнулась сразу. За окном проплывали витрины, люди с пакетами, автобусные остановки. Обычная жизнь — такая простая для всех, кроме тех, чьи отцы привыкли решать вопросы силой.

Она посмотрела на Антона в зеркало.

— Папа опять получил угрозы?

— Нет.

— Тогда почему у него голос такой, будто он собирается эвакуировать город?

— Просто выполняю свою работу.

Лина отвернулась к окну.

Вот только работа Антона никогда не была просто работой. И если он начинал отвечать коротко, значит, кто-то уже решил, что ей лучше не знать правду.

Она не любила, когда за неё решали.

Особенно если делали это люди, которые считали себя единственными взрослыми в комнате.

ГЛАВА 2. ЦЕНА ТИШИНЫ

Тимофей Орлов не любил ранние звонки, чужие обещания и людей, которые называли похищение «временным перемещением объекта».

Впрочем, сегодня в его списке раздражителей появился новый пункт.

— Ты выглядишь так, будто собираешься убить кофемашину, — заметил Кирилл.

— Она первая начала.

— Не сомневаюсь. У неё характер.

Кирилл Максимович стоял у окна небольшого офиса на третьем этаже бывшего бизнес-центра. На вид — обычный мужчина лет пятидесяти пяти: невысокий, сухощавый, с добродушным лицом и привычкой улыбаться в самый неподходящий момент. Если не знать, кем он был раньше, можно было принять его за школьного завхоза, который вышел проверить, не разбили ли дети стекло.

Тим знал.

Двадцать лет назад Кирилл командовал подразделением, которое не задавало лишних вопросов, когда нужно было войти туда, куда никто не приглашал. Потом ушёл со службы и открыл агентство «Периметр». На визитке было написано «комплексная безопасность». За этой формулировкой скрывалось всё — от сопровождения бизнесменов до эвакуации людей из мест, где начиналась стрельба.

Тим работал у него шестой год.

— Клиент ждёт, — сказал Кирилл.

— Пусть подождёт ещё.

— Он платит за то, чтобы его не заставляли ждать.

— Тогда пусть наймёт часы.

Кирилл вздохнул, но улыбка осталась.

— Иногда мне кажется, что ты родился уже недовольным.

— Я старался не разочаровывать.

В переговорной сидел мужчина в светлом пальто. Лицо широкое, волосы аккуратно уложены, на руке дорогие часы. Он не представился, пока Кирилл не закрыл дверь.

— Господа.

— Мы не господа, — сказал Тим. — Мы на работе.

Мужчина не улыбнулся.

— Мне нужна девушка. Живая, невредимая. Без полиции, без прессы, без лишнего шума.

Тим посмотрел на Кирилла. Тот слегка приподнял бровь.

— Вы хотите, чтобы мы обеспечили ей безопасность? — уточнил Кирилл.

— Я хочу, чтобы вы доставили её в определённое место. На несколько дней.

— Она согласна?

— Это не имеет значения.

Тишина в переговорной стала плотнее.

Тим медленно откинулся на спинку стула.

— Тогда вы не по адресу.

— Я заплачу вдвое больше обычного.

— Значит, вы не по адресу вдвое дороже.

Кирилл поднял ладонь, останавливая спор.

— Давайте без театра. Кто девушка?

Мужчина положил на стол тонкую папку. На обложке — фотография молодой женщины с длинными тёмными волосами. Она стояла у стеклянной двери, чуть повернув голову к кому-

то за кадром. Даже на неудачном снимке было видно, что у неё большие зелёные глаза. Взгляд прямой, почти вызывающий.

Тим не стал задерживаться на фотографии.

— Имя?

— Алина Соколова. Двадцать четыре года.

Кирилл перестал улыбаться.

— Дочь Виктора Соколова?

— Вы знакомы с его репутацией?

— Слышал пару историй. Ни одна не начиналась словами «всё прошло спокойно».

— Именно поэтому мне нужны профессионалы.

Тим раскрыл папку. Адреса, маршруты, номера автомобилей, график работы, привычки. Отдельный лист — подруга, Виктория Белова. На полях несколько пометок о тренировках и кофейне.

— Вы хотите надавить на отца, — сказал Тим.

— Это семейный вопрос.

— Семейные вопросы обычно не решают людьми в масках.

— Не вам судить.

— Мне как раз за это платят.

Мужчина сцепил пальцы.

— Виктор Соколов уничтожил мою семью. Он забрал у меня всё, что имело значение. Я хочу, чтобы он почувствовал то же самое.

— Вы собираетесь причинить ей вред? — спросил Кирилл.

— Нет. Девушка нужна мне живой. Её нельзя трогать. Нельзя пугать сильнее необходимого. Через несколько дней её отпустят.

— Почему мы должны верить вам?

— Потому что деньги будут на вашем счёте до начала работы.

Кирилл посмотрел на папку, затем на Тима.

— Нам нужно время на проверку.

— Вы получите аванс сегодня. Остальное — после доставки.

— Кто заказчик? — спросил Тим.

Мужчина чуть улыбнулся.

— Называйте меня Грачом.

— Как оригинально.

— Вы согласны?

Тим ещё раз посмотрел на фотографию. Алина Соколова. Дочь человека, имя которого редко произносили без осторожности. Девушка с зелёными глазами, привычкой бегать по утрам и подругой, которая, судя по отчёту, была единственным человеком, кому она доверяла без оглядки.

— Я согласен изучить объект, — сказал Тим. — Решение приму после наблюдения.

Грач кивнул, будто другого ответа и не ожидал.

Когда дверь за ним закрылась, Кирилл некоторое время молчал.

— Мне не нравится этот заказ.

— Мне тоже.

— Тогда зачем согласился?

— Чтобы понять, кто именно решил, что может заказать чужую дочь как доставку пиццы.

Кирилл тихо хмыкнул.

— Иногда ты даже умный. Редко, но бывает.

— Не распространяйся.

В кабинет вошла Дана Романова — худощавая девушка с короткими светлыми волосами и вечной кружкой чая. Она отвечала в агентстве за информацию, камеры, маршруты и всё, что можно было выяснить, не выходя из комнаты.

— Я уже посмотрела папку, — сказала она. — Соколова живёт под охраной, но не в золотой клетке. Работает в архитектурной студии, ездит сама, когда ей позволяют, бегает с подругой. Есть привычка менять маршруты.

— Зачем? — спросил Тим.

— Чтобы не скучать, видимо. Или потому, что её отец параноик, а она не хочет жить по его инструкциям.

Кирилл постучал пальцем по столу.

— Проверить заказчика. Все связи, все переводы, все, кто выходит на него. И отдельно — обстоятельства конфликта с Виктором Соколовым. Я не хочу, чтобы мы влезли в войну, о которой знаем только по красивым словам.

— А если это всё-таки война? — спросил Тим.

— Тогда мы хотя бы будем знать, на чьей стороне стоим.

Тим поднялся.

— Я начну наблюдение.

— И запомни, — Кирилл посмотрел на него уже без улыбки. — Девушку не трогать. Ни при каких обстоятельствах. Пока мы не понимаем, что происходит, это не объект, а человек.

Тим убрал папку под мышку.

— Я умею отличать.

— Надеюсь.

У двери он остановился.

— Кирилл Максимович.

— Что?

— Если клиент попросит доставить её на склад с цепями, я надеюсь, ты не станешь обсуждать размер аванса.

— Я обсужу, сколько стоит его голова.

Тим кивнул и вышел.

В коридоре пахло пылью и дешёвым освежителем. Он открыл папку ещё раз, посмотрел на фотографию и закрыл её.

Ему не нравились люди, которые называли месть справедливостью. Обычно после них приходилось долго убирать последствия.

Но он пока не знал, что в этот раз последствия будут смотреть на него зелёными глазами и улыбаться так, будто он сказал что-то действительно смешное.

ГЛАВА 3. ДОМ, В КОТОРОМ НЕ ЗАПИРАЮТ

Виктор Соколов ужинал в кабинете, когда Лина вошла без стука.

— Удивительно, — сказал он, не поднимая глаз от бумаг. — Ты всё-таки помнишь дорогу.

— Я оставила хлебные крошки.

— Садись.

На столе стояли тарелка с запечённой рыбой, овощи и бокал воды. Виктор любил порядок даже в мелочах. На нём была тёмная рубашка с закатанными рукавами, часы без заметного логотипа и выражение лица человека, который привык, что его слушают с первого раза.

В пятьдесят лет он выглядел старше только тогда, когда не спал несколько ночей подряд. Сегодня под глазами залегли тени.

Лина села напротив.

— Ты хотел поговорить.

— Да. Антон сказал, что ты опять спорила с ним у студии.

— Антон рассказывает тебе о наших отношениях? Я польщена.

— Лина.

— Пап.

Виктор отложил вилку.

— У нас проблемы.

Она перестала улыбаться.

— Какие?

— Рабочие.

— Ты так говоришь, будто я не живу в этом доме и не вижу, что последние три дня у ворот стоят две дополнительные машины.

— Тебе не нужно в это вмешиваться.

— Я и не вмешиваюсь. Я просто хочу знать, почему меня снова лишают обычной жизни.

— Потому что обычная жизнь не всегда безопасна.

— Для кого? Для тебя или для меня?

Виктор медленно выдохнул.

— Для тебя.

— Я не маленькая.

— Я знаю.

— Тогда перестань обращаться со мной так, будто мне десять.

Он посмотрел на неё. В этом взгляде было то, что Лина не умела выдерживать: не злость, а страх, который отец прятал за раздражением. Иногда ей казалось, что он смотрит не на неё, а сквозь неё — на кого-то другого, кого уже не мог вернуть.

На стене за его спиной висела фотография матери. Елена стояла на берегу моря, волосы развевались на ветру, а улыбка была такой открытой, что даже через стекло рамки казалась настоящей.

Лина редко спрашивала о ней. Не потому, что не хотела знать, а потому, что каждый разговор заканчивался одинаково: короткими ответами, тяжёлой паузой и тем, как отец внезапно находил срочное дело.

— Я не собираюсь сидеть дома, — сказала она тише. — У меня работа. Подруга. Своя жизнь.

— Я не запрещаю тебе работать.

— Пока ты не передумал.

— Лина, я не пытаюсь тебя наказать.

— Тогда что ты делаешь?

Виктор поднялся, подошёл к окну. За стеклом двор освещали невысокие фонари. У ворот стоял охранник. Дальше, за забором, тянулась улица, по которой люди ходили в магазины, торопились домой, ругались с таксистами и жили так, будто никто не отслеживает каждую их поездку.

— Я пытаюсь сохранить то, что у меня осталось, — сказал он.

Лина почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— Я не вещь, пап.

— Для меня ты никогда не была вещью.

— Тогда перестань меня прятать.

Он повернулся.

— На ближайшее время ты не выходишь из дома без охраны. В студию будешь ездить с Антоном. Встречи — только после согласования. Телефон всегда включён.

Лина медленно моргнула.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Ты запираешь меня?

— Я ограничиваю передвижение, пока ситуация не прояснится.

— Какая удобная формулировка. Можно ещё сказать «временно сокращаю твою свободу».

— Не устраивай сцен.

— Я не устраиваю. Я пытаюсь понять, как человек может любить дочь и при этом так упорно делать всё, чтобы она его ненавидела.

Виктор побледнел.

— Не говори так.

— А как мне говорить? Спасибо за охрану? Спасибо за то, что у меня есть красивый дом, в котором нельзя даже выйти за кофе без разрешения?

— Ты не понимаешь, что происходит.

— Потому что ты ничего не объясняешь!

Голос Лины прозвучал громче, чем она хотела. Она ненавидела кричать. Крик всегда выдавал, насколько сильно задели.

Виктор посмотрел на фотографию Елены.

— Я уже однажды не смог защитить человека, которого любил. Второго раза не будет.

Лина тоже посмотрела на фотографию.

— Мама погибла в аварии. Ты не мог это контролировать.

Он не ответил.

— Пап?

— Ужин остынет.

Вот и всё. Дверь захлопнулась, хотя никто её не трогал.

Лина поднялась.

— Я не буду спорить сегодня.

— Хорошо.

— Но и обещать ничего не буду.

Она вышла из кабинета, оставив отца наедине с нетронутой едой и фотографией женщины, о которой они оба знали слишком мало.

* * *

Позже, поднявшись в свою комнату, Лина обнаружила на прикроватной тумбе новый телефон. Не её старый — такой же, только с другой моделью и без единой царапины.

Рядом лежала записка: «Для связи с охраной. Старый оставь».

Почерк отца. Узнаваемый, резкий.

Лина взяла телефон, покрутила в руках и положила обратно.

— Великолепно. Мне купили электронный ошейник.

Она позвонила Вике со своего старого аппарата.

— Меня посадили под домашний арест.

— За что?

— За то, что родилась не в той семье.

— Ты можешь приехать ко мне.

— Пока нет. У меня за дверью Антон, и, подозреваю, он умеет читать мысли.

— Тогда я приеду к тебе.

— Нет. Не хочу, чтобы ты попадала в их игру.

— Лин, я не из стекла.

— Я знаю. Но мой отец иногда забывает, что другие люди не являются частью его системы безопасности.

Вика помолчала.

— Давай завтра. Придумаем, как тебя вытащить.

— Мы не будем никого вытаскивать. Мы будем смотреть «Сумерки», есть пиццу и обсуждать, почему Белла выбирает ходячую катастрофу вместо нормального парня.

— Потому что нормальные парни не блестят на солнце.

— Нормальные парни хотя бы не следят за девушками.

— Ты сейчас про Эдварда или про Антона?

— Про обоих.

Они засмеялись. Потом Лина отключилась, подошла к окну и отодвинула тяжёлую штору.

Её комната находилась на втором этаже. Внизу был небольшой внутренний двор, за которым начиналась хозяйственная дорожка. Она знала дом с детства: где скрипит ступенька, какая дверь закрывается бесшумно, где охранник обычно курит, когда думает, что никто не смотрит.

Она не собиралась убегать прямо сейчас.

Но впервые за долгое время подумала, что, возможно, придётся.

* * *

Внизу Виктор открыл ящик письменного стола. Внутри лежала старая фотография, не та, что висела на стене. На ней Елена сидела в машине, смеясь, а рядом был он — моложе, без седины у висков и без привычки смотреть на каждый выход.

На обороте её рукой было написано: «Не превращай любовь в клетку».

Виктор провёл пальцем по буквам.

— Прости, — произнёс он.

Потом набрал номер.

— Антон? Усильте периметр. И проверьте всех, кто за последние две недели появлялся рядом с Линой.

— Есть основания?

— Есть ощущение.

— Понял.

Виктор помолчал.

— И ещё. Если что-нибудь случится, сначала увезите её. Не ждите моего приказа.

— Виктор Андреевич…

— Это не обсуждается.

Он положил трубку и долго смотрел на фотографию.

Он уже однажды опоздал на несколько минут. Иногда этих минут хватало, чтобы разрушить всю оставшуюся жизнь.

ГЛАВА 4. ТРИ НЕДЕЛИ НАБЛЮДЕНИЯ

В первую неделю Тим узнал о Лине Соколовой больше, чем хотел.

Она вставала рано, бегала по вторникам, четвергам и субботам, но иногда меняла расписание, если плохо спала. Не любила такси, предпочитала водить сама и всегда парковалась так, чтобы выехать без сложных манёвров. В студии работала дольше остальных, спорила с заказчиками и умела одним взглядом заставить мужчину, который был старше её на двадцать лет, перестать объяснять ей, как устроен цвет.

Она почти никогда не смотрела по сторонам, когда смеялась.

Это было опасно.

Не потому, что смех делал человека беззащитным, а потому, что Тим замечал его слишком часто.

— Ты опять смотришь на неё, — сказала Дана, не отрываясь от ноутбука.

Они сидели в машине напротив кофейни. Дождь стучал по лобовому стеклу, дворники лениво смахивали воду.

— Я наблюдаю.

— Конечно. У тебя очень профессиональное лицо наблюдателя.

— Какое?

— Как у человека, который пытается вспомнить, когда в последний раз был на свидании.

— Я был.

— В каком году?

— Не твоё дело.

— То есть до пандемии.

Тим промолчал.

Дана усмехнулась и вернулась к экрану.

В тот день Лина пришла в кофейню с Викой. Подруга что-то говорила, активно жестикулируя. Лина слушала, иногда подталкивала её плечом и улыбалась. Потом Вика стала серьёзной, опустила взгляд. Лина сразу перестала улыбаться, взяла её за руку и что-то сказала. Через несколько секунд Вика снова засмеялась.

— Они давно знакомы? — спросил Тим.

— Семь лет. С беговой дорожки. Вика Белова, двадцать три. Родители с проблемами, школьная травля, нестабильная работа. У неё довольно узкий круг общения.

— Почему?

— Потому что не все умеют дружить с людьми, у которых низкая самооценка. Часто им удобнее пользоваться.

Тим посмотрел на Дану.

— Ты сейчас о ней или о себе?

Она подняла глаза.

— Не пытайся делать вид, что у тебя есть психологическое образование.

— Я просто спросил.

— Просто не спрашивай.

Они замолчали.

Лина вышла из кофейни первой. На тротуаре она заметила пожилого мужчину, который уронил пакет. Яблоки раскатились по мокрой плитке. Девушка остановилась, присела и начала собирать их, хотя Вика уже отошла к машине.

Мужчина что-то говорил, извинялся. Лина покачала головой, подняла последнее яблоко и вернула пакет.

Она не оглядывалась, не проверяла, заметил ли кто-нибудь этот маленький поступок.

Тим поймал себя на том, что смотрит на неё дольше, чем требовала работа.

— Ты знаешь, что это называется? — спросила Дана.

— Что?

— Начинается.

— У тебя слишком богатое воображение.

— У меня монитор с камерой и человек, который уже третий раз за десять минут проверяет, не замёрзла ли девушка у входа.

— Там дождь.

— Ага. И ты, конечно, переживаешь за состояние тротуара.

Тим завёл двигатель.

— Поехали.

* * *

На второй неделе он увидел её другой.

Лина вышла из студии поздно вечером. Антон ждал у машины, но она остановилась у входа и долго спорила с ним. По движению губ Тим понял только одно: спорила она убедительно. Антон стоял неподвижно, будто перед ним не человек, а дверь, которую нельзя открыть.

В итоге Лина всё же села в машину.

Через двадцать минут внедорожник остановился у большого дома. Девушка не вышла сразу. Она сидела, глядя перед собой, потом коснулась пальцами стекла и будто сказала что-то самой себе.

Тим отвёл взгляд.

Ему не следовало пытаться угадать, что у неё в голове.

Он знал только расписание, маршруты и уязвимые места охраны. Всё остальное не имело значения.

Телефон завибрировал. Сообщение от Кирилла: «Проверка заказчика идёт. Не торопись».

Тим ответил: «Понял».

Через минуту пришло ещё одно: «И не забывай, что мы не ломаем людей ради чужих обид».

Он убрал телефон.

Кирилл умел говорить простые вещи так, будто за ними стояла целая лекция. Иногда это раздражало. Иногда спасало.

* * *

На третьей неделе Тим впервые увидел Виктора Соколова.

Тот приехал к студии без предупреждения. Высокий, широкоплечий, с сединой на висках и тяжёлым взглядом. Он не повышал голос, не размахивал руками и не делал резких движений. Вокруг него всё равно менялось пространство: люди расступались, охрана становилась внимательнее, разговоры затихали.

Лина вышла к нему сама.

Они стояли у входа. Виктор что-то говорил, она слушала, скрестив руки на груди. Потом ответила. Отец наклонился к ней, словно хотел убедить, но не решился прикоснуться.

Тим видел много семейных ссор. Обычно в них было больше громких слов и меньше настоящей боли.

Лина отвернулась первой и ушла внутрь. Виктор остался у машины, глядя ей вслед.

— Похоже, у них всё непросто, — заметила Дана.

— У кого бывает просто?

— У людей, которые не нанимают вооружённых охранников для поездки за кофе.

Тим ничего не ответил.

Он заметил, что Виктор выглядел не как человек, который злится на непослушную дочь. Скорее как тот, кто давно боится одного и того же и не умеет сказать об этом прямо.

Через час в агентстве Кирилл вызвал Тима к себе.

На столе лежал отчёт о Граче.

— Наш клиент не тот, за кого себя выдаёт, — сказал Кирилл.

— Это было ожидаемо.

— Его настоящее имя пока не подтверждено. Но он связан с людьми, которые воевали с Соколовым лет десять назад. Есть старая история с поставками, исчезнувшими деньгами и человеком, погибшим в машине.

— Кто погиб?

Кирилл посмотрел на лист.

— Жена Соколова.

Тим медленно поднял глаза.

— Это была авария?

— Официально — да.

— А неофициально?

— Пока не знаю. Но заказчик слишком заинтересован в дочери. Я хочу понять, зачем.

Тим провёл пальцем по краю отчёта.

— Он сказал, что хочет, чтобы Соколов почувствовал потерю.

— И это уже достаточно, чтобы я пожалел, что вообще открыл дверь.

— Ты хочешь отказаться?

Кирилл покачал головой.

— Пока нет. Но если мы продолжим, то будем действовать по своим правилам. Никаких подвалов, никаких угроз, никакой самодеятельности. И если выяснится, что девочке угрожает реальная опасность, мы не станем ждать, пока клиент подпишет разрешение.

Тим кивнул.

— Я понял.

— Нет, Тим. Ты должен понять ещё кое-что. Ты слишком долго один. Иногда это делает человека осторожным, иногда — глухим. Не перепутай.

— Ты сегодня решил стать мудрым?

— Я каждый день такой. Просто ты редко замечаешь.

Тим забрал отчёт.

Выйдя из кабинета, он снова посмотрел на фотографию Лины.

Теперь он знал, что её мать погибла в той же истории, в которую его втягивали.

И впервые за три недели ему захотелось, чтобы заказ отменили.

ГЛАВА 5. СУМЕРКИ И ДРУГИЕ КАТАСТРОФЫ

К пятнице Лина ненавидела свой дом.

Не стены, не мебель и даже не охрану. Она ненавидела ощущение, что каждый её шаг заранее обсуждён где-то внизу, в комнате с мониторами. Телефон, который отец подарил ей «для связи», оказался с доступом к семейному приложению безопасности. Машину без согласования брать не разрешали. Антон сопровождал её даже до студии, а вечером стоял у ворот так, будто лично отвечал за вращение Земли.

— Я не могу больше, — сказала Лина Вике по видеосвязи.

— Ты можешь. Просто тебе надо выйти из дома.

— Спасибо, доктор.

— Я серьёзно. Приезжай ко мне. Я купила пиццу, попкорн и две упаковки мармеладных мишек.

— Ты пытаешься купить мою свободу едой?

— Судя по твоему лицу, метод работает.

Лина села на подоконник.

— Антон меня не выпустит.

— А если я приеду?

— Он не пустит тебя дальше ворот.

— Тогда я буду кричать через забор.

— Соседи вызовут полицию.

— Отлично. Сразу будет повод выйти.

Лина засмеялась.

— Ты невозможная.

— Зато преданная.

Вика немного помолчала, потом спросила:

— Он правда ничего тебе не объяснил?

— Только что у него проблемы. И что я должна сидеть дома, пока он их решает.

— Может, там действительно опасно?

— Может. Но я не могу жить в режиме ожидания чужой беды. Я не знаю, что происходит, не знаю, кто угрожает, не знаю, когда всё закончится. Я просто должна сидеть и быть благодарной за то, что мне не дают выйти за калитку.

Вика посмотрела на неё с экрана.

— Ты знаешь, что я всегда на твоей стороне.

— Знаю.

— Но обещай мне, что не будешь делать глупостей.

— Я никогда не делаю глупостей.

— Лина.

— Хорошо. Я не буду делать глупостей, которые нельзя исправить.

— Это не то, что я просила.

— Другого обещать не могу.

После звонка Лина долго смотрела на экран. Потом открыла переписку с Антоном. Последнее сообщение было коротким: «Завтра в 9:00 выезд в студию. Будьте готовы».

Она набрала: «Сегодня я никуда не еду. Спокойной ночи».

Ответ пришёл через минуту: «Принято».

Слишком быстро. Слишком спокойно.

Лина нахмурилась.

Внизу кто-то прошёл по коридору. Она выключила свет и подошла к двери. За ней стоял охранник. Не Антон — молодой парень, которого она видела пару раз.

— Добрый вечер, — сказала Лина.

— Добрый.

— Антон где?

— Внизу.

— Передайте ему, что я хочу воды.

— Могу принести.

— Нет, спасибо. Я хочу, чтобы он сам принёс. У него очень ответственный вид, ему полезно иногда выполнять простые поручения.

Парень растерялся.

— Хорошо.

Когда шаги удалились, Лина вернулась к комнате.

План был глупым. Но другого у неё не было.

Она переоделась в тёмные джинсы, свободный свитер и кроссовки. Волосы собрала в низкий хвост, телефон оставила на зарядке, а в карман положила старую банковскую карту и ключи от машины. Потом достала из шкафа спортивную сумку и бросила туда куртку.

Она не собиралась уезжать навсегда. Только к Вике. На вечер. Посмотреть фильм, поесть пиццу, посмеяться над тем, как люди способны принимать плохие решения с таким серьёзным лицом.

Потом вернуться до полуночи.

Это не было побегом.

Это была короткая прогулка к нормальной жизни.

Лина открыла окно, проверила расстояние до козырька и внутренней лестницы. В детстве она уже вылезала этим путём, когда хотела попасть в сад без разрешения. Тогда отец ругался, но быстро сдавался, потому что она была маленькой и смешной.

Теперь она была взрослой и, как оказалось, всё ещё смешной.

Она осторожно спустилась на козырёк, перешла к лестнице и оказалась во дворе. За углом стояла служебная машина. Ворота были закрыты, но боковая дверь для персонала оставалась без дополнительной цепи.

Лина знала, где лежит ключ.

Через три минуты она вышла на улицу.

Свобода оказалась холодной, мокрой и пахла выхлопными газами. Лина вдохнула её полной грудью.

— Господи, как же я соскучилась.

Она не стала вызывать такси. До остановки было недалеко, а дальше можно было пересесть на автобус. Вика прислала адрес ещё утром, и Лина знала дорогу почти наизусть.

Первые десять минут всё шло идеально.

На одиннадцатой минуте за ней появилась машина.

Лина заметила её не сразу. Чёрный автомобиль держался на расстоянии, не приближался и не пытался обогнать. В городе таких машин были сотни. Она сказала себе, что просто устала от охраны и теперь видит слежку в каждом фаркопе.

Но на следующем перекрёстке машина повернула вслед за ней.

Лина остановилась у витрины закрытого магазина, сделала вид, что проверяет телефон, и посмотрела на отражение. Автомобиль проехал дальше.

Она выдохнула.

Через минуту он остановился у обочины.

Лина ускорила шаг.

Ещё через квартал она свернула в небольшой проезд между домами, рассчитывая выйти к остановке с другой стороны. Внутри было темнее, чем на улице. Слева — глухая стена, справа — парковка и несколько контейнеров.

Она услышала шаги.

— Девушка.

Лина не обернулась.

— Если вы хотите продать мне страховку, я уже застрахована.

Шаги стали ближе.

— Лина.

Она резко развернулась.

Мужчина стоял в нескольких метрах. Высокий, широкоплечий, в тёмной куртке. Короткие волосы, карие глаза, лицо без выражения. На шее и кистях виднелись татуировки. Он не выглядел случайным прохожим. И он знал её имя.

— Мы знакомы? — спросила Лина.

— Нет.

— Тогда у вас странный способ завести знакомство.

Он сделал шаг.

Лина отступила.

— Не подходите.

Мужчина остановился. В его взгляде не было растерянности или злости. Только усталое внимание человека, который уже просчитал несколько вариантов и не хотел ни один из них.

— Я не собираюсь причинять тебе вред.

— Прекрасно. Тогда отойдите и дайте мне пройти.

— Не могу.

— Значит, всё-таки собираетесь.

Он чуть наклонил голову, будто признал удачное замечание.

— Тебе нужно поехать со мной.

Лина рассмеялась коротко и нервно.

— Ага. Конечно. Сейчас. Только я предупрежу подругу, что немного задержусь. Мы собирались смотреть кино.

— Не надо.

— Вы всегда так знакомитесь с девушками? Сначала «поехали со мной», потом, наверное, кофе?

— Лина.

— Не называйте меня по имени. Вы не заслужили.

Она рванулась в сторону. Мужчина оказался быстрее. Его рука перехватила её запястье, но не выкручивала; он лишь не дал ей выскользнуть. Лина ударила его свободной рукой в грудь, попыталась наступить на ногу и вырваться.

— Отпустите!

— Тише.

— Да пошёл ты!

Она резко дёрнула руку и почти освободилась. Мужчина выругался сквозь зубы, перехватил её за плечи. Лина ударила его локтем, попала куда-то в бок. Он отступил, на секунду ослабив хватку.

Она успела сделать два шага.

Чья-то рука схватила её сумку, ремень натянулся и соскользнул с плеча. Лина обернулась — рядом стоял ещё один мужчина, ниже и худее первого. В его руке был телефон.

— Тим, быстрее, — сказал он.

Лина перевела взгляд на высокого.

Тим.

Значит, у него было имя.

— Я закричу! — предупредила она.

— Кричи, — ответил он.

И это было хуже угрозы: он не боялся, что её услышат.

Лина вдохнула, собираясь крикнуть, но Тим накрыл её рот ладонью. Она вцепилась зубами в кожу. Он резко отдёрнул руку и посмотрел на неё так, будто она только что подтвердила какую-то неприятную догадку.

— Чёрт.

— Я предупреждала, — выдохнула она.

Он снова перехватил её, теперь осторожнее, не давая ударить. Второй мужчина открыл заднюю дверь машины.

— Тим, у нас две минуты.

Лина смотрела на него, пытаясь запомнить всё: татуировку на запястье, форму носа, шрам возле брови, карие глаза. Он не отворачивался.

— Слушай меня, — сказал он тихо. — Ты сейчас сядешь в машину. Я не буду делать тебе больно, если ты не заставишь меня.

— Это самая тупая фраза, которую я слышала в жизни.

— Возможно.

— Ты похищаешь меня и думаешь, что можешь торговаться?

На его лице что-то едва заметно изменилось. Не раскаяние — пока нет. Скорее понимание, что она назвала происходящее правильным словом.

— Садись.

— Нет.

Он посмотрел ей за спину. В проезде показались фары другой машины.

— Сейчас.

Лина попыталась вывернуться, но Тим поднял её сумку и отступил вместе с ней к автомобилю. Она продолжала сопротивляться, била его ладонями, цеплялась за куртку, пока он не усадил её на сиденье и не закрыл дверь.

Замок щёлкнул.

Машина тронулась.

Несколько секунд Лина просто смотрела на собственные руки. Они дрожали. Она сжала пальцы в кулаки, заставляя себя дышать.

Тим сел рядом, оставив между ними расстояние. Второй мужчина устроился впереди.

— Кто вы? — спросила Лина.

Тим смотрел прямо перед собой.

— Тим.

— Я не спрашивала, как тебя зовут. Я спросила, кто ты.

— Человек, который должен отвезти тебя в одно место.

— А потом?

Он не ответил.

Лина повернула голову к окну. Город расплывался за мокрым стеклом. Она попыталась понять маршрут, но машина свернула на незнакомую улицу.

— Мой отец вас найдёт, — сказала она.

— Я знаю.

— Тогда ты идиот.

Тим наконец посмотрел на неё.

— Возможно.

— Ты всегда такой разговорчивый?

— Только когда меня похищают.

Лина замерла.

Он произнёс это без улыбки, но в голосе мелькнула странная сухая ирония. Она не собиралась смеяться. Не собиралась давать ему ни одного повода решить, что всё под контролем.

— Если ты думаешь, что я буду сидеть тихо, — начала она.

— Не думаю.

— Если думаешь, что отец заплатит…

— Я не решаю, что будет делать твой отец.

— А что решаешь ты?

Тим отвернулся к окну.

— Пока — только то, чтобы ты осталась жива.

Лина откинулась на спинку сиденья, не отрывая от него взгляда.

Она ещё не знала, куда её везут. Не знала, кто заказал похищение и зачем. Не знала, почему этот молчаливый мужчина смотрел на неё так, словно уже ненавидел собственное решение.

Но одно она поняла точно.

Эта ночь закончилась не так, как должна была.

А завтра, если оно вообще наступит, ей придётся научиться выживать в мире, где даже человек, обещающий не причинять ей вреда, держит ключи от машины и не собирается открывать дверь.

ГЛАВА 6. НЕ ТА СТОРОНА ДВЕРИ

Машина остановилась не сразу. Сначала город закончился, потом появились склады, редкие фонари и длинные заборы, за которыми ничего не было видно. Лина считала повороты, запоминала дорожные знаки и пыталась определить направление по редким вспышкам света за окном. Тим заметил это почти сразу.

— Можешь не стараться, — сказал он.

— А ты можешь не разговаривать со мной так, будто мы вместе едем на дачу.

— Я не говорил, что мы едем на дачу.

— Тогда куда? На экскурсию по промышленной зоне? Если так, то экскурсовод у вас ужасный.

Мужчина на переднем сиденье хмыкнул. Тим бросил на него короткий взгляд, и тот тут же отвернулся к лобовому стеклу.

— Как его зовут? — спросила Лина.

— Тебе это не поможет.

— Мне поможет всё, что позволит не называть вас «похититель номер один» и «похититель номер два».

— Денис, — неожиданно ответил водитель.

— Денис, — повторила Лина. — Уже лучше. А ты, значит, Тим. Прекрасно. Теперь осталось выяснить, кто из вас придумал этот отвратительный сервис.

— Хватит, — негромко сказал Тим.

— Ты можешь заткнуть мне рот, но это не сделает тебя правым.

Он ничего не ответил. Лина снова посмотрела в окно. Руки уже не дрожали. Страх никуда не исчез, просто она отодвинула его на край сознания, туда, где он не мешал думать. Сейчас ей нужно было запомнить дорогу, оценить людей и не позволить им увидеть, насколько сильно она боится.

У ворот заброшенного пансионата машина остановилась. Здание стояло среди сосен, за сетчатым ограждением. На фасаде ещё угадывались буквы старой вывески. В одном окне горел свет.

— Вы привезли меня в санаторий? — спросила Лина. — Я надеюсь, здесь хотя бы есть бассейн.

— Выходи, — сказал Тим.

— Сначала объясни, что будет дальше.

— Внутри поговорим.

— Удивительно. Каждый человек, который хочет сделать что-то плохое, обещает поговорить потом.

Тим открыл дверь и отступил. Не потянул её за руку, не стал торопить. Просто ждал. Эта осторожность раздражала сильнее грубости: она мешала ненавидеть его без остатка.

Внутри пахло пылью, дешёвым моющим средством и нагретым электричеством. Холл был обставлен старой мебелью, но на полу не было грязи, окна закрыты плотными шторами, а на лестничной площадке висела новая камера. Дом не был заброшенным. Он лишь притворялся таким снаружи.

Денис унёс её сумку. Лина проследила за ним взглядом.

— Телефон, — потребовала она.

— Нет, — сказал Тим.

— Тогда хотя бы скажи, что с Викой.

— Ничего.

— Ты не знаешь, что с ней, или не хочешь говорить?

Он на секунду задержал взгляд на её лице.

— Мы за ней не следим.

— Какое облегчение. Вы похитили меня, но подругу решили оставить в покое. Почти джентльмены.

Её отвели в комнату на втором этаже. Там стояла кровать, шкаф, стол и кресло. На окне были внутренние замки. Дверь закрывалась снаружи, но обычным ключом. На тумбочке лежала бутылка воды и аптечка.

— Ты останешься здесь, — сказал Тим. — Еду принесут. Воду можешь брать в любое время. Если понадобится врач, скажешь.

— А если мне понадобится выйти?

— Пока нельзя.

— А если понадобится позвонить?

— Пока нельзя.

— А если мне понадобится вернуться домой?

— Я не могу тебя отвезти.

Лина медленно поднялась с кровати.

— Послушай внимательно, Тим. Я не знаю, кто ты и сколько тебе заплатили. Но я знаю, что ты сейчас делаешь. Ты отнимаешь у меня право решать, где мне быть и с кем говорить. Не называй это заботой. Не говори, что я в безопасности. Ты не имеешь права определять за меня, что такое безопасность.

Тим выдержал её взгляд.

— Я не называю это заботой.

— Уже прогресс.

— Я скажу, когда можно будет уйти.

— Нет. Ты скажешь, когда собираешься открыть дверь. А уйти я решу сама.

Он прикрыл дверь. Замок повернулся снаружи.

Лина не сразу села. Она подошла к окну, проверила раму, затем осмотрела шкаф и вентиляционную решётку. Решётка была закреплена винтами, окно открывалось на несколько сантиметров. На подоконнике стояла чашка с засохшим чайным кругом. Значит, сюда уже кого-то приводили. Или здесь кто-то жил.

Она сняла с запястья тонкую резинку для волос и положила её на пол возле двери. Потом прижала к щели листок бумаги, который нашла на столе. Если дверь откроют, бумага сдвинется. Маленькая проверка, почти детская, но сейчас каждая мелочь имела значение.

За дверью послышались шаги. Кто-то остановился.

— Я всё слышу, — сказала Лина.

Шаги двинулись дальше.

Она села на край кровати и только тогда позволила себе закрыть глаза. Перед внутренним взглядом возникло лицо Вики. Пицца, попкорн, смешные комментарии к фильму. Она не успела даже написать, что задержится.

«Только бы она не решила, что я её бросила», — подумала Лина.

Внизу Тим стоял у кухонного стола и слушал, как Денис рассказывает по телефону о доставке. Его ладонь всё ещё саднила там, где Лина укусила его. Он посмотрел на следы зубов и неожиданно усмехнулся.

— Что смешного? — спросил Денис.

— Ничего.

— Она тебе руку чуть не откусила.

— Я заметил.

— И что теперь?

Тим убрал руку в карман.

— Теперь ждём.
— Грач сказал, что завтра будет связь с отцом.
— Грач много чего сказал.
— Ты же знал, на что подписывался.
Тим посмотрел на лестницу.
— Я знал не всё.
Впервые за шесть лет Денис не нашёл, что ответить.

ГЛАВА 7. ПРАВИЛА БЕЗОПАСНОСТИ

Лина проснулась от того, что за окном кто-то громко чихнул. Она открыла глаза и несколько секунд не понимала, где находится. Потом увидела незнакомый потолок и вспомнила всё разом.

На тумбочке стоял поднос с завтраком: омлет, хлеб, чай. Лина проверила бумажную полоску возле двери. Она лежала на прежнем месте. Значит, ночью никто не входил. Или входил осторожно.

Она не притронулась к еде, пока не осмотрела чашку, тарелку и упаковку сахара. Не потому, что ожидала отравления, а потому, что не собиралась облегчать кому-либо контроль над собой. Вода была закрыта, хлеб завёрнут. Она выпила немного, съела половину омлета и оставила остальное.

Через час дверь открылась. На пороге стояла женщина лет тридцати с короткими светлыми волосами и большой кружкой в руке. Она выглядела так, будто пришла не в комнату к похищенной девушке, а на скучное совещание.

— Привет. Я Дана.

— А я та, кого вы украли.

— Я поняла. У нас не очень большой штат, новости быстро расходятся.

Лина прищурилась.

— Ты тоже в этом участвуешь?

— Формально да. Но я не занималась твоим захватом и не собираюсь тебя запугивать.

— Впечатляющее резюме. Можно ещё добавить, что ты не ешь детей и не воруешь у старушек.

— Детей — только по праздникам. Старушек не трогаю, они мстительные.

Лина невольно улыбнулась, но тут же вернула лицу холодное выражение.

— Мне нужен телефон.

— Не могу.

— Вода, еда, аптечка. Всё есть. А связь с внешним миром отсутствует. Очень удобно. Вы не думаете, что я могу заболеть, если меня держать здесь без возможности поговорить с близкими?

— Думаю. Поэтому я пришла проверить, как ты.

— Тогда проверь: я хочу домой.

Дана поставила кружку на стол.

— Это должен решить Тим.

— Значит, у вас тут демократия с одним голосующим.

— Скорее, начальник с плохим характером.

— Он не начальник?

— Не мой.

Лина запомнила ответ. Дана говорила легко, но всё время следила за дверью. Её кружка пахла мятой. На запястье был тонкий шрам, едва заметный под рукавом.

— Ты знаешь, кто заказал моё похищение? — спросила Лина.

Улыбка исчезла с лица Даны.

— Я знаю только, что человек хочет использовать тебя, чтобы достать отца.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Тогда передай Тиму, что я хочу поговорить с ним. Не через пять минут и не когда он сочтёт удобным. Сейчас.

Дана кивнула.

— Передам.

— И ещё. Если ты действительно не хочешь меня пугать, не стой в дверях так, будто считаешь, сколько шагов мне нужно до выхода.

Дана посмотрела на коридор, затем отошла в сторону.

— Так лучше?

— Чуть-чуть.

Когда Дана ушла, Лина снова осмотрела комнату. Ей не удалось открыть окно шире, зато она обнаружила, что крепление шкафа расшатано. Из его нижней панели торчал маленький металлический винт. Она вытащила его ногтем, спрятала в подкладку рукава и решила, что теперь у неё есть нечто похожее на инструмент.

Тим пришёл ближе к полудню. Он стоял на пороге, не заходя внутрь.

— Ты просила поговорить.

— Наконец-то. Присаживайся. Хотя нет. Не хочу, чтобы тебе было удобно.

— Что тебе нужно?

— Телефон. Один звонок. Я должна сообщить Вике, что жива.

— Нет.

— Тогда ты сообщишь.

— Не могу.

— Не хочешь.

Он не ответил.

— Ты вообще понимаешь, что она сейчас делает? — спросила Лина. — Она будет обзванивать больницы, полицию, знакомых. Она решит, что я пропала из-за неё, потому что я обещала приехать. Ты хоть представляешь, что будет с человеком, который и без того не уверен в себе, когда его лучшая подруга исчезает в тот вечер, когда должна была прийти к нему?

Тим смотрел на неё молча. Лина заметила, как дрогнула мышца у него на челюсти.

— Ты мог бы хотя бы сказать ей, что я не пострадала.

— Я не могу назвать место. Это подвергнет опасности всех, кто здесь.

— Я не прошу адрес. Я прошу сказать, что я жива.

— Я попробую найти безопасный способ.

— Не думай слишком долго. У тебя лицо человека, которому и так тяжело.

Он опустил взгляд на её запястье. Лина спрятала руку в карман.

— Ты что-то задумала?

— Хочу выйти на свежий воздух.

— Не получится.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Тим на мгновение прикрыл глаза, будто собирался с терпением.

— Я принёс тебе одежду. Твои вещи пока проверяют.

— Что значит «проверяют»?

— Ищут маяки и устройства.

— Ты похищаешь меня и ещё проверяешь мои вещи? Какая трогательная забота о приватности.

Он положил на стул пакет.

— Размер должен подойти.

— Ты выбирал?

— Нет.

— Жаль. Я бы хотела знать, какой вкус у человека, который крадёт чужих дочерей.

— Не начинай.

— Я ещё даже не разогрелась.

Тим вышел. Лина услышала, как замок поворачивается, и только тогда выдохнула.

Внизу Дана ждала его на лестничной площадке.

— Она попросила телефон для подруги.

— Я слышал.

— Дай ей хотя бы позвонить.

— Это решение не моё.

— А чьё? Грача? Он не здесь. Ты здесь.

Тим остановился.

— Дана, не начинай.

— Я не начинаю. Я напоминаю, что у нас есть граница, за которую мы не заходим. Кирилл согласился на доставку под условием, что девушка останется невредимой и получит возможность связаться с близкими, когда это не угрожает операции. Сейчас опасность создаёт не звонок, а молчание.

Тим посмотрел на неё.

— Кирилл сказал тебе это?

— Он сказал мне, что мы не должны превращаться в людей, от которых сами когда-то защищали других.

— Здесь всё сложнее.

— Нет. Здесь всё проще, чем тебе хочется думать.

Дана спустилась вниз. Тим остался у перил, глядя на закрытую дверь. Он знал, что она права. Это было неприятно.

В комнате Лина нашла в пакете тёмные спортивные брюки, толстовку и носки. Сверху лежала записка: «Если что-то не подойдёт, скажи». Почерк был чужой, аккуратный. Она сложила бумагу вчетверо и убрала в карман.

«Они думают, что могут сделать похищение уютным», — подумала она.

И всё же впервые с момента приезда ей захотелось спать.

ГЛАВА 8. НОМЕР, КОТОРЫЙ НЕ ОТВЕЧАЕТ

Вика позвонила Лине в одиннадцать вечера. Сначала один раз, потом второй, потом начала писать сообщения. «Ты где?», «Лин, всё нормально?», «Если ты передумала, просто скажи», «Я не обижусь». К полуночи сообщение изменилось: «Пожалуйста, ответь». Потом: «Я еду к тебе».

Когда ответа не последовало, Вика набрала Антона. Она не любила звонить людям из дома Соколовых: даже голос начальника охраны заставлял её чувствовать себя школьницей, которую вызвали к директору. Но сейчас было не до неловкости.

— Антон? Это Вика. Лина у вас?

— Нет.

— Как нет?

— Она должна была быть дома.

— Она не приехала. Вы знаете, где она?

Антон помолчал. Вика услышала на фоне голоса, шаги и короткую команду, произнесённую кем-то другим.

— Когда вы последний раз с ней разговаривали? — спросил он.

— Сегодня вечером. Она собиралась ко мне. Мы договорились смотреть фильм. Потом перестала отвечать.

— Она сказала, что выйдет из дома?

Вика сжала телефон.

— Она была под домашним арестом. Но могла сбежать. Это на неё похоже.

На другом конце стало тихо.

— Я понял. Никуда не выходите и не отвечайте на незнакомые номера. Я перезвоню.

— Антон, подождите. Что происходит?

Но он уже отключился.

Вика медленно опустилась на диван. Пицца остыла в коробке, на телевизоре остановилась заставка фильма. Она посмотрела на входную дверь и вдруг поняла, что боится услышать звонок. Ей всегда казалось, что если случится что-то страшное, она будет действовать спокойно, как в кино. Но сейчас у неё дрожали пальцы, а мысли путались.

Она открыла переписку с Линой и написала: «Я не буду ругать тебя. Просто дай знать, что жива».

Ответа не было.

* * *

В доме Виктора горел свет во всех комнатах, хотя было далеко за полночь. Охранники проверяли камеры, Антон отдавал распоряжения, а сам Виктор стоял в кабинете у стола. На экране ноутбука застыла запись с ворот: Лина выходит через боковую дверь, оглядывается, надевает капюшон и исчезает за углом.

— Она ушла сама, — сказал Виктор.

— Да, — подтвердил Антон. — Но после этого её маршрут обрывается. Камеры на соседних улицах частные, записи запрошены. Машины проверяем.

— Когда ты понял, что её нет?

— После звонка Виктории. До этого дежурный доложил, что Лина в комнате.

Виктор повернулся к нему так резко, что Антон невольно выпрямился.

— Кто проверял?

— Молодой охранник. Он видел её у двери около десяти, но не проверил после полуночи.

— Найди его. И всех, кто был на смене. Сейчас.

— Уже.

— Она не могла далеко уйти.

Антон не стал отвечать. Он видел запись с улицы, где за Линой тянулась тёмная машина. На одном кадре было видно, как она сворачивает в проезд. На следующем — пустая улица. Машина исчезла вместе с ней.

Виктор подошёл к экрану.

— Увеличь.

На размытой картинке проступили силуэты двух людей. Один высокий, второй ниже. Дверца автомобиля была открыта. Виктор смотрел на экран неподвижно, пока запись не закончилась.

— Это не побег, — произнёс он.

— Похоже на похищение.

— Нет. Это похищение.

Он набрал номер Кирилла Максимовича. Тот ответил после второго гудка.

— Виктор Андреевич. Поздний звонок обычно означает плохие новости.

— У меня забрали дочь.

На другом конце наступила тишина.

— Когда?

— Сегодня. Несколько часов назад.

— Кто это сделал?

— Я узнаю. Но ты должен помочь.

Кирилл не торопился отвечать.

— Что именно ты хочешь?

— Всё, что у тебя есть. Людей, камеры, связи. И ещё одно: если к тебе приходили с вопросами обо мне, ты скажешь правду.

— Виктор Андреевич, я не люблю загадки.

— Тебе лучше не любить их сейчас. Я заплачу.

— Не в деньгах дело.

Виктор прикрыл глаза.

— Кирилл, пожалуйста.

Это слово прозвучало так необычно, что Антон поднял голову. Виктор почти никогда не просил. Он приказывал, договаривался или угрожал. Но сейчас в его голосе не было ничего из привычного набора.

— Я проверю, — сказал Кирилл. — Но если это связано с тем, о чём я думаю, не делай резких движений.

— Ты знаешь, кто это?

— Пока нет.

— Тогда узнай.

Виктор отключился.

* * *

В убежище Тим услышал разговор Грача через наушник. Тот говорил спокойно, почти ласково, как человек, который обсуждал не чужую жизнь, а условия аренды.

— Девушка доставлена?

— Да, — ответил Тим.

— Состояние?

— Нормальное.

— Отец уже знает?

— Вероятно.

— Хорошо. Завтра ему позвонят. Он должен понять, что это не случайность.

Тим снял наушник.

— Что значит «ему позвонят»? — спросил он Дениса.

— Что сказали, то и значит.

— Он просил пока не связываться с отцом.

— Он передумал.

— Кто именно передумал?

Денис пожал плечами.

Тим вышел в коридор и набрал Кирилла. Тот ответил почти сразу.

— Где ты?

— На объекте.

— Соколова у вас?

Тим замолчал.

— Значит, у вас, — произнёс Кирилл. — Слушай меня внимательно. Заказчик сейчас поднял цену и требует передать ему прямой канал связи с девушкой. Я не соглашался на это.

— Он сказал, что завтра будет разговор с отцом.

— Не будет. Я запрещаю любой контакт без моего ведома.

— Он считает, что мы уже всё сделали.

— Он считает много лишнего. Я еду к вам.

— Не надо. Здесь может быть ловушка.

— Ты только сейчас это понял?

Тим посмотрел на лестницу, за которой была комната Лины.

— Кирилл, заказчик не тот, за кого себя выдаёт.

— Я уже начинаю догадываться. И ещё, Тим. Не геройствуй. Не принимай решений, которые потом нельзя отменить.

— Поздно.

Он отключил телефон и несколько секунд стоял неподвижно.

Затем направился к комнате Лины. Постучал один раз и открыл дверь.

Она сидела на кровати, поджав ноги, и смотрела на него с явным раздражением.

— Что? Пришёл сообщить, что завтра у меня экскурсия с дегустацией?

— Твой отец знает, что ты пропала.

Лина выпрямилась.

— Ты сказал ему?

— Нет.

— Тогда откуда?

— Он ищет тебя.

— Это не ответ. Ты понимаешь, что он сейчас сходит с ума?

Тим не стал спорить.

— Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось.

— Ты уже позволил. Ты меня похитил.

Он принял удар молча.

— Мне нужно, чтобы ты кое-что поняла. Человек, который заказал это, меняет условия. Я пока не знаю, чего он хочет на самом деле.

— А я знаю. Он хочет использовать меня против отца. Ты сам сказал.

— Возможно, это только часть.

Лина смотрела на него, и впервые в её взгляде промелькнуло не только презрение, но и тревога.

— Что ты собираешься делать?

Тим задержал дыхание.

— Пока — не отдавать тебя ему.

ГЛАВА 9. ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЖДЁТ

Утром Виктор не стал завтракать. Он стоял у окна кабинета, слушая доклад Антона, и не перебивал. Это было хуже любого крика: когда Виктор замолкал, окружающие начинали понимать, насколько далеко он уже зашёл в своих мыслях.

— По машине нашли след? — спросил он.

— Один из номеров поддельный. Вторую часть маршрута закрывают камеры торгового центра. Записи передали специалистам. Есть данные, что автомобиль вышел за город через северную трассу.

— Кто мог знать, что она будет одна?

— Слишком много людей знали, что вы ограничили её передвижение. Но точное время побега — только она сама и охрана.

— Значит, кто-то ждал.

Антон кивнул.

— Похоже на заранее подготовленную операцию.

Виктор посмотрел на фотографию дочери на столе. На снимке Лина смеялась, запрокинув голову; зелёные глаза почти закрылись от солнца.

— Найди Вику, — сказал он.

— Она у себя дома. Я отправил человека.

— Не пугай её.

— Я объясню, что она может помочь.

— И не говори ей, что Лина могла быть целью давно.

Антон не сразу ответил.

— Она должна знать, что происходит.

— Нет.

— Виктор Андреевич, она единственный человек, которому Лина доверяет так же, как вам.

Виктор резко повернулся.

— Я сказал — нет.

Антон выдержал его взгляд.

— Тогда вам придётся сказать ей правду самому, когда она спросит.

Виктор опустился в кресло. На столе лежала тонкая папка, которую он не открывал много лет. Внутри — копии старых документов, фотографии, короткие записи от руки. Он хранил её отдельно от всех дел, словно само расстояние могло сделать прошлое безопасным.

— Ты знаешь, почему Елена не любила этот кабинет? — спросил он.

Антон промолчал.

— Она говорила, что здесь нет воздуха. Я смеялся. Думал, что это просто слова. Потом она попросила меня уйти из дела. Я сказал, что ещё немного — и всё закончится.

— Вы сделали всё, что могли.

— Нет. Я сделал всё, что было удобно мне.

Он открыл папку. На первой фотографии была Елена возле старого загородного дома. Рядом стоял мужчина, которого Антон узнал сразу: Сергей Ракитин. Сейчас его называли Грачом.

— Он жив? — спросил Антон.

— Должен был быть мёртв. Или исчезнуть так, чтобы никто не смог найти.

— Вы сказали, что его люди погибли в аварии.

— Я сказал то, что было написано в отчёте.

Антон посмотрел на фотографию.

— Вы думаете, это он?

— Я уверен.

— Тогда нужно сообщить полиции.

Виктор усмехнулся без радости.

— Полиции? Ты хочешь, чтобы я объяснил им, почему человек, который официально исчез много лет назад, теперь похищает мою дочь? Они начнут с вопроса, откуда у меня столько информации. И будут правы.

— Возможно, это единственный способ её вернуть.

Виктор долго смотрел на снимок.

— Я слишком долго думал, что могу контролировать последствия. Больше не буду.

* * *

Вика не спала. Когда к её двери постучали, она вскочила с дивана так резко, что едва не уронила кружку. На пороге стоял Антон. Один, без охраны.

— Я могу войти?

— Лина нашлась?

— Пока нет.

Вика отступила, пропуская его внутрь.

— Садитесь. Хотя нет. Сначала скажите, что случилось.

Антон посмотрел на нетронутую коробку с пиццей и на фильм, остановленный на первом кадре.

— Её похитили.

Вика опустилась на край дивана. Она не закричала и не заплакала. Только несколько раз моргнула, будто пыталась заставить слова измениться.

— Кто?

— Мы пока выясняем.

— Почему?

— Давление на Виктора Андреевича.

— За что?

Антон отвёл взгляд.

— Это сложный вопрос.

— Нет. Это простой вопрос. Я хочу знать, почему мою лучшую подругу забрали неизвестно куда, и почему вы все говорите так, будто у вас есть сценарий, а у меня нет даже первой страницы.

Антон признал её правоту молчанием.

— Она могла рассказать мне, если ей угрожали? — спросила Вика.

— Не знаю.

— Значит, вы тоже не знаете её так хорошо, как думаете.

Он кивнул.

— Я хочу помочь.

— Вы можете помочь, если расскажете мне всё, что знаете о её последних днях. Любые мелочи: машины, звонки, люди, которые появлялись рядом. И ещё: не надо делать вид, что я слабая и меня нужно отправить домой.

Антон посмотрел на неё внимательнее.

— Хорошо. Но если вам станет опасно, вы будете следовать моим указаниям.

— Я буду слушать. Это не значит, что я буду послушной.

На этот раз Антон почти улыбнулся.

— В этом вы похожи на Лину.

Вика впервые за ночь почувствовала, что может сделать хоть что-то полезное.

* * *

В убежище Грач вышел на связь в полдень. Тим сидел в соседней комнате, когда услышал знакомый голос из динамика.

— Девушка должна быть готова к разговору.

— Нет, — сказал Тим.

— Прошу прощения?

— Я сказал, что разговора не будет.

— Вы забываете, кто платит.

— Я помню. И помню, что вы просили сохранить её невредимой.

— Она невредима.

— Пока.

На линии повисла тишина.

— Вы начинаете задавать слишком много вопросов, Орлов.

— А вы слишком часто меняете условия.

— Мне нужен Виктор.

— Тогда разговаривайте с ним напрямую.

— Я хочу, чтобы он увидел дочь. Услышал её голос. Понял, что потерял контроль.

— Вы хотите её использовать.

— Это очевидно.

Тим сжал пальцы.

— Она не будет участвовать в ваших переговорах.

— Не вам решать.

— Пока она на моей территории, решать мне.

Грач рассмеялся тихо и неприятно.

— Слушайте, молодой человек. Вы думаете, что нашли повод почувствовать себя человеком? Вы всего лишь исполнитель. Не путайте свои желания с полномочиями.

— Я не ваш исполнитель.

— Уже поздно. Деньги получены. Девушка у вас. Ваше имя есть в отчёте. Думаете, если что-то пойдёт не так, я один окажусь виноват?

Тим посмотрел на выключенный монитор.

— Вы угрожаете мне?

— Я напоминаю вам о реальности.

Связь оборвалась.

Через минуту в комнату вошла Дана.

— Ты слышал?

— Да.

— Он знает про агентство больше, чем должен.

— Или кто-то рассказал.

— Кирилл уже проверяет платежи. Деньги прошли через две компании, одна зарегистрирована на подставное лицо. Но есть ещё кое-что.

Она положила на стол распечатку.

— Я нашла старую фотографию Грача с Виктором. И ещё одну — с женщиной. С Еленой Соколовой.

Тим посмотрел на снимок. Женщина на фотографии смеялась, прижимая к груди папку. Рядом с ней стояли два мужчины. Один — Виктор. Второй — Грач.

— Это мать Лины? — спросил он.

— Да.

— Откуда фотография?

— Из старого архива, который заказчик попросил проверить. Кажется, она связана с причиной, по которой всё началось.

Тим молчал.

— Кирилл сказал, что завтра будет здесь, — добавила Дана. — И он очень зол.

— Пусть будет зол.

— Ты понимаешь, что мы можем потерять агентство?

— Да.

— А если он решит, что ты перешёл границу?

Тим убрал фотографию в папку.

— Значит, я отвечу.

В комнате наверху Лина сидела у окна и смотрела на сосны. Она не знала, что на старой фотографии её мать стояла рядом с человеком, который держал её здесь. Не знала, что отец уже произнёс имя Грача вслух после многих лет молчания. Не знала, что Тим впервые всерьёз задумался о том, как вернуть ей свободу.

Но она чувствовала: правила этой игры меняются. И, возможно, впервые за долгое время не только без её согласия.

ГЛАВА 10. ОДНА МИНУТА

Тим пришёл к Лине ближе к вечеру. На этот раз он не постучал, а дождался, пока она сама откроет дверь после щелчка замка. Девушка стояла посреди комнаты, скрестив руки на груди. На ней была толстовка, волосы собраны в небрежный хвост, а на лице застыло такое выражение, будто она заранее приготовила три способа его унизить.

— У меня есть предложение, — сказал Тим.

— У меня тоже. Открой дверь и отойди.

— Ты можешь позвонить подруге. Один раз. Никаких адресов и деталей.

Лина не сразу поверила, что услышала именно это.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Почему?

— Потому что она не должна думать, что ты пропала по собственной воле.

— Наконец-то ты сказал что-то разумное.

— Не привыкай.

Он протянул ей небольшой телефон без симпатичного чехла и без следов использования. Лина не взяла его сразу.

— Это безопасно для неё?

— Я не буду говорить, что всё безопасно. Но звонок пройдёт через временный номер. Её адрес и данные мне не нужны.

— Тебе не нужны, но заказчику могут пригодиться.

Тим выдержал паузу.

— Я не передам ему ничего о твоей подруге.

— Ты уже передал ему меня.

Он опустил руку. Она попала точно в больное место, и оба это поняли.

Лина взяла телефон. Пальцы дрогнули, когда она набрала номер по памяти. Вика ответила почти сразу.

— Лин? — голос подруги был хриплым от бессонницы. — Лина, это ты?

— Я.

На другом конце раздался резкий вдох, потом что-то похожее на всхлип.

— Господи. Где ты? Что случилось? Ты ранена?

— Я жива. Не плачь, ладно? Я не перенесу, если ты будешь плакать, а я не смогу тебя обнять.

— Я не плачу.

— Ты ужасно врёшь.

Вика коротко рассмеялась и тут же всхлипнула снова.

— Я думала, что ты умерла.

— Не дождётесь. Я ещё не посмотрела финал «Сумерек» в твоём исполнении.

— Лин, скажи, что мне делать.

— Ничего опасного. Не ищи меня одна. Не езди никуда, если тебе покажется, что за тобой следят. Позвони Антону. Он знает, что я пропала.

— Он уже был у меня. Но ничего толком не рассказал.

— Значит, не стесняйся задавать вопросы. И, Вика… это не твоя вина.

— Я знаю.

Лина молчала. Она услышала, как подруга втянула воздух.

— Я не знаю, что происходит. Но я тебя найду.

— Не надо искать меня любой ценой. Просто будь осторожна. Пожалуйста.

— Хорошо.

— И ещё. Посмотри «Сумерки» без меня, если совсем невмоготу.

— Даже не думай. Я сохраню попкорн.

— Вот за это я тебя и люблю.

Связь оборвалась. Лина ещё несколько секунд держала телефон у уха, будто могла услышать через пустоту дыхание подруги. Потом медленно опустила руку.

— Спасибо, — произнесла она, не глядя на Тима.

— Не за что.

— Нет, есть за что. Не делай вид, что это отменяет остальное.

— Не делаю.

Он протянул ладонь, но Лина сама положила телефон на стол.

— Ты сказал один раз. Выполнил.

— Да.

— Тогда оставь меня.

Тим вышел. За дверью его ждала Дана.

— Ты дал ей позвонить?

— Да.

— Хорошо.

— Не начинай благодарить.

— Я не собиралась. Просто хорошо.

Она протянула ему лист бумаги. На нём были напечатаны три номера, две даты и название фирмы.

— Я нашла человека, который перечислял деньги на счёт посредника. Он связан с бывшим партнёром Виктора. И это не единственная связь. Заказчик попросил нас не только похитить девушку, но и проверить, где хранится старый архив.

— Какой архив?

— Судя по переписке, документы Елены Соколовой.

Тим посмотрел на неё.

— Зачем ему документы мёртвой женщины?

— Вот это я и хочу выяснить.

* * *

Вика сидела на кухонном полу, прижав телефон к груди. Её руки дрожали уже не от неизвестности, а от того, что теперь она знала: Лина жива и находится где-то в чужих руках.

На столе лежала записка Антона с номером, по которому можно было связаться с ним напрямую. Вика набрала его снова.

— Она звонила, — сказала она, когда он ответил.

— Что сказала?

— Что жива. Просила не искать её одной. И чтобы я была осторожна.

— Хорошо. Это важно.

— Антон, вы знаете, кто её забрал?

— Есть предположение.

— Скажите.

— Пока не могу.

Вика закрыла глаза.

— Вы все защищаете меня от информации, а не от опасности.

— Возможно, — признал он. — Но если вы попадёте в руки тех, кто забрал Лину, мы потеряем ещё одного человека, которого нужно будет искать.

— Тогда научите меня быть полезной. Я знаю её привычки, людей, места, куда она ходит. Я могу вспомнить что-то, чего вы не заметили.

— Завтра приеду и поговорим.

— Не завтра. Сейчас.

Антон помолчал.

— Хорошо. Через двадцать минут.

Вика положила трубку и впервые за ночь вытерла слёзы. Она не умела обращаться с оружием, не знала криминальных правил и не понимала, как искать человека по обрывкам записи. Но она знала Лину. Иногда этого было больше, чем у тех, кто носил кобуру и принимал решения за всех.

ГЛАВА 11. ИМЯ ИЗ СТАРОЙ ФОТОГРАФИИ

Виктор не спал вторую ночь. На столе перед ним лежали три фотографии, копия старого договора и лист с фамилиями людей, которые когда-то составляли ближайший круг Сергея Ракитина. Большинство из них давно исчезли из города. Некоторые умерли. Один сидел в колонии. Двое сменили фамилии. Грач был единственным, кто сумел раствориться так тщательно, что даже слухи о нём стали звучать как городские легенды.

— Вы уверены, что это он? — спросил Антон.

— Уверен настолько, насколько можно быть уверенным по фотографии.

— Тогда почему он появился сейчас?

Виктор провёл пальцем по краю снимка. На нём он и Елена стояли рядом с Ракитиным на открытии складского комплекса. Все улыбались. Никто из них не знал, что через несколько месяцев один человек умрёт, другой исчезнет, а третий останется жить с чужой смертью.

— Потому что я забрал у него всё, — сказал Виктор.

— Вы уничтожили его бизнес.

— Не только бизнес.

Он открыл папку и достал пожелтевшую копию заявления. Подпись Елены стояла внизу. Антон прочитал несколько строк и поднял глаза.

— Она собиралась дать показания?

— Да.

— Вы мне говорили, что она случайно оказалась в машине, когда произошла авария.

— Я говорил, что так было оформлено дело.

Антон медленно положил лист обратно.

— Значит, аварии не было.

Виктор не ответил сразу.

— Елена хотела, чтобы я ушёл. Она узнала, что Ракитин использовал наши фирмы для перевозки оружия и людей. Я обещал, что закрою всё. Но тогда уже шла война за долги и территории. Я попросил её отвезти документы человеку, который должен был помочь нам выйти из дела. Думал, что это безопаснее, чем оставлять бумаги дома.

— Она знала, что в опасности?

— Она знала, что я снова обещаю ей невозможное. И всё равно поехала.

— Кто организовал нападение?

— Ракитин. Он хотел вернуть документы и заставить меня замолчать. Машину подрезали на трассе. Водитель второго автомобиля был его человеком. Елена не доехала.

Антон опустил голову.

— Лина знает только официальную версию.

— Она знает, что мать погибла в аварии. Это правда. Но не знает, почему та оказалась на дороге и кто заставил её туда выйти.

— Вы должны были рассказать ей.

Виктор резко посмотрел на него.

— Думаешь, я не знаю?

— Тогда почему молчали?

— Потому что хотел оставить ей хоть что-то нормальное. Чтобы она могла думать о матери как о женщине, которая любила море, музыку и глупые фильмы. А не как о человеке, которого убила моя работа.

Антон долго молчал.

— Теперь эта правда может стать единственным способом вернуть её.

— Я знаю.

— Тогда нужно найти архив.

Виктор кивнул.

— Документы были у Елены. Часть копий она спрятала. Я не смог найти их после смерти. Ракитин уверен, что они у меня, или знает, что я передал их кому-то. Он хочет не просто отомстить. Ему нужно, чтобы прошлое исчезло окончательно.

* * *

Лина сидела за столом, когда Тим принёс обед. Она прочитала этикетку на упаковке, посмотрела на него и спросила:

— Ты знаешь, кем был мой отец до того, как стал богатым?

— Да.

— А моя мать?

Тим поставил поднос.

— Нет.

— Врёшь.

— Я видел фотографию.

— Это не ответ.

Он сел напротив, оставив между ними стол.

— Я не знаю, что с ней произошло.

— Тебе не рассказывали?

— Нет.

— Тогда расскажу я. Она погибла в автомобильной аварии, когда мне было шестнадцать. Я была в школе. Отец приехал за мной сам, хотя никогда не делал этого. Он не плакал при мне. Просто сказал, что мама не вернётся. Потом дома было много людей, цветов, соболезнований и тишины. С тех пор он не любит говорить о ней.

Тим слушал, не перебивая.

— Иногда я думаю, что он винит себя. Но за что? За то, что был на работе? За то, что не успел приехать? Я не знаю. И ты тоже не знаешь, верно?

— Верно.

Лина посмотрела ему в глаза.

— Ты хоть раз думал, что за деньги можно причинить кому-то нечто такое, что потом не исправишь?

— Да.

— И всё равно продолжаешь?

Тим не ответил сразу.

— Я думал, что могу выбирать, кому и за что помогать. Что если держаться правил, то не станешь таким, как люди, которых презираешь.

— А теперь?

— Теперь я не уверен.

— Хорошо. Значит, совесть у тебя ещё не совсем умерла.

Она взяла вилку, но не стала есть.

— Почему ты работаешь на человека, который заказывает похищение?

— Я не работаю на него. Я работаю на агентство, которое согласилось на заказ.

— Это звучит как оправдание.

— Возможно.

— Не «возможно». Так и есть.

Тим кивнул. Он не стал спорить.

* * *

Вечером Дана показала ему распечатку старого письма. Текст был коротким, без подписи: «Если документы выйдут наружу, Ракитин потеряет не только деньги. Виктор знает, что будет дальше».

— Это найдено в архиве компании, связанной с Грачом, — сказала она. — Дата совпадает с последними неделями перед смертью Елены.

— Значит, она действительно что-то хранила.

— Возможно. И ещё: я проверила людей, которые были рядом с ними тогда. Один из них до сих пор живёт в городе. Его зовут Павел Серов. Когда-то он был водителем Елены.

Тим посмотрел на неё.

— Почему ты раньше не сказала?

— Потому что не хотела бросать тебе неподтверждённую информацию. Сейчас есть адрес.

— Кирилл знает?

— Уже едет к нему.

Тим взял куртку.

— Ты куда?

— Проверю, что Серов не исчезнет раньше, чем мы с ним поговорим.

Дана удержала его за рукав.

— Тим. Осторожно. Если Грач ищет архив, он может искать и всех, кто ещё помнит Елену.

— Я понял.

— Нет. Ты понял, что надо быть осторожным. Это разные вещи.

Он посмотрел на её руку, потом на лицо.

— Спасибо.

— Не благодари. Просто вернись.

ГЛАВА 12. ТРЕЩИНА В ПЕРИМЕТРЕ

Кирилл приехал в пансионат после обеда. Он не снял куртку, не стал пить предложенный кофе и сразу прошёл в комнату, где Дана разложила на столе документы. Внешне он выглядел как всегда: невысокий, немного сутулый, в простой куртке и с доброй улыбкой. Но Тим знал эту улыбку достаточно хорошо, чтобы понять: сейчас лучше не шутить.

— Ты понимаешь, что сделал? — спросил Кирилл.

— Да.

— Нет. Ты понимаешь, что мы сделали все вместе? Мы согласились на заказ, не проверив конечную цель. Мы привезли человека в закрытое помещение. Мы позволили чужому человеку купить доступ к чужой жизни. И теперь нас держат за горло.

— Я пытался выяснить, кто заказчик.

— После того, как сел в машину с девушкой? Поздновато для расследования.

Тим промолчал.

Кирилл положил на стол распечатку транзакций.

— Деньги шли через компанию, которую контролирует Ракитин. Но это не всё. Нашу внутреннюю документацию слили на сторону. Кто-то из сотрудников передал заказчику график смен, расположение камер и данные по резервным адресам.

— Кто?

— Пока проверяю. Но есть один человек, у которого был доступ к объекту и к переговорам. Максим Климов.

Дана подняла глаза.

— Макар?

— Да. Он отвечает за транспорт и логистику. И сегодня утром не вышел на связь.

Тим выругался.

— Он был с нами на втором объекте?

— Нет. Но у него есть ключи.

— Тогда закрывай все точки.

— Уже. Но прежде чем ты начнёшь изображать из себя спасателя, послушай. Я не собираюсь оставлять девушку здесь, если это место больше не безопасно. Мы перевезём её в другой дом. Без Дениса, без лишних людей. И потом будем думать, как вернуть её отцу.

— Он не может получить её адрес.

— Я знаю.

— Грач хочет прямой разговор.

— Грач хочет, чтобы мы сделали грязную работу, а потом исчезли. Я не собираюсь ему помогать.

Кирилл посмотрел на Тима.

— Ты готов отвечать за то, что произошло?

— Да.

— Тогда начни с того, что скажешь девушке правду. Не всю, если она опасна. Но правду.

Тим поднялся и пошёл наверх.

Лина ждала его у окна. На столе лежали аккуратно сложенные вещи, а рядом — бумажная полоска, которую она подкладывала к двери. Теперь она была смята.

— Ты ночью входил? — спросила она.

— Нет.

— Тогда кто?

Тим осмотрел дверь.

— Не знаю.

— Великолепно. Даже здесь вы не знаете, кто ходит по комнатам.

— Мы переезжаем.

— Куда?

— В другое место.

— Я еду домой.

— Пока нет.

— Ты сейчас не в том положении, чтобы говорить мне «пока нет».

— Я понимаю.

— Нет, Тим. Ты не понимаешь. Ты можешь выйти из этой комнаты, сесть в машину и уехать куда угодно. Я не могу. Ты можешь позвонить своему начальнику, своей подруге, кому хочешь. Я не могу. Ты можешь сделать вид, что всё это временная работа, и вернуться к привычной жизни. Я не могу.

Он выслушал её до конца.

— Ты права.

Лина замерла. Она ожидала возражений, приказа, привычного короткого «не начинай». Но не этого.

— Тогда открой дверь.

— Не могу. Здесь опасно.

— Ты всё ещё решаешь за меня.

— Да. И это плохо. Но если я сейчас выпущу тебя одну, Грач может найти тебя раньше, чем отец.

Лина отвернулась.

— Мне надоело слышать его имя.

— Мне тоже.

— Кто он?

Тим сделал паузу.

— Человек из прошлого твоего отца. Возможно, он связан со смертью твоей матери.

Лина медленно повернулась.

— Что ты сказал?

— Я не знаю точно. Но мы нашли фотографию твоей матери рядом с ним. И старые документы. Они что-то скрывают.

— Ты хочешь сказать, что мама погибла не просто в аварии?

— Я не знаю.

— Ты уверен?

— Нет.

Она смотрела на него так, словно пыталась увидеть, что он прячет за усталым лицом.

— Если ты сейчас врёшь мне, я никогда не поверю тебе снова.

— Я не вру.

— Тогда скажи отцу. Пусть он объяснит.

Тим опустил глаза.

— Он должен сам.

Лина сжала пальцы.

— Значит, он знает.

Никто не ответил.

Внизу Денис собирал вещи. Он работал с Тимом давно и не был человеком, который задавал вопросы. Но сейчас он подошёл к Кириллу.

— Максим пропал не случайно. Я видел его сегодня утром возле машины. Он разговаривал с кем-то по телефону, потом положил что-то под заднее колесо.

— Почему не сказал раньше? — спросил Кирилл.

— Хотел проверить. Не хотел поднимать панику.

Кирилл посмотрел на него строго.

— Панику поднимают не слова. Её поднимают ошибки.

Он развернулся к Дане.

— Проверь транспорт. И никому не сообщай адрес нового объекта.

— Поняла.

Тим вышел из комнаты Лины.

— Она знает про фотографию.

Кирилл прикрыл глаза.

— Значит, времени у нас меньше, чем я думал.

— Надо поговорить с Виктором.

— Надо найти Грача. Но сначала — вытащить девушку из этой истории живой.

Тим посмотрел вверх, на закрытую дверь.

— Она не захочет, чтобы её вытаскивали как посылку.

— Тогда перестань обращаться с ней как с посылкой.

Кирилл сказал это без злости. От этого слова прозвучали тяжелее.

* * *

Переезд назначили на сумерки. Лине дали небольшой рюкзак, её куртку и новые кроссовки. Телефон остался у Тима. Она не спорила, но и не помогала. Когда он открыл дверь, она вышла сама, не позволяя ему коснуться её локтя.

На лестнице она остановилась.

— Сколько человек знают, куда мы едем?

— Трое.

— Ты, Дана и Кирилл?

— Да.

— А Денис?

Тим бросил взгляд вниз.

— Он едет с нами.

— Тогда четверо.

— Он не знает адрес.

— Ты уверен?

Тим ничего не ответил.

Лина кивнула. Её лицо стало серьёзным.

— Вот теперь ты тоже начинаешь задавать правильные вопросы.

ГЛАВА 13. ПОПЫТКА ВЕРНУТЬ СЕБЕ НЕБО

Новый дом находился на окраине небольшого посёлка. Одноэтажный, с кирпичной стеной, низким крыльцом и пустым садом, в котором остались только две яблони. Внутри было чисто, но почти неуютно: простая мебель, закрытые шторы, запасные одеяла в шкафу. Это место не пыталось казаться домом. Оно было временным укрытием.

Лина осмотрела все комнаты, проверила окна и выходы. Тим не мешал. Он стоял у входа, пока она не закончила.

— Здесь хотя бы есть нормальная кухня, — сказала она. — Можно было бы сделать вид, что вы организовали мне загородный отдых.

— Если хочешь, Дана приготовит ужин.

— Я хочу домой.

— Я знаю.

— Тогда не предлагай мне ужин, как будто это решает проблему.

Тим кивнул.

Вечером он поставил на стол тарелку с пастой и бутылку воды. Лина ела молча. Он сидел напротив и просматривал сообщения. Несколько раз телефон вибрировал, но он не отвечал.

— Тебя ищут? — спросила она.

— Да.

— Твои?

— Кирилл и Дана.

— А семья?

— Нет.

— Друзья?

— Нет.

Лина подняла глаза.

— У тебя вообще кто-нибудь есть?

— Достаточно.

— Это не ответ.

— Я не просил интервью.

— А я не просила похищение. Мы оба получили не то, чего хотели.

Она отодвинула тарелку.

— Знаешь, что самое странное? Я всё время думала, что отец держит меня в клетке. Контролирует, следит, решает, с кем мне общаться. А потом появился ты и показал, что клетка может быть ещё меньше.

Тим посмотрел на неё.

— Я не собираюсь держать тебя здесь дольше, чем нужно.

— Ты уже держишь.

— Я знаю.

На этот раз в его голосе не было раздражения. Лина отвернулась к окну.

Ночью она проснулась от шума дождя. Дом был тихим. За дверью не слышалось шагов. На стуле лежала толстовка, которую ей принесли днём. Она встала, надела её и подошла к входной двери.

Замок был закрыт, но ключ торчал с внутренней стороны. Она осторожно повернула его. Дверь открылась без звука.

В коридоре горел слабый свет. На диване спал Денис, укрывшись курткой. На кухонном столе лежал телефон. Лина не стала его брать: она не знала, кому он принадлежит и можно ли его отследить. Вместо этого она нашла ключи на полке и вышла через заднюю дверь.

На улице пахло мокрой землёй. До калитки было метров двадцать. Она прошла их быстро, стараясь не смотреть на окна. За забором начиналась узкая дорога, ведущая к остановке. Лина не знала, сколько идти до посёлка, но знала главное: оставаться здесь означало ждать, пока чужие люди решат её судьбу.

Она свернула за угол дома и услышала шаги.

— Лина.

Тим стоял у яблони, в одной футболке, с фонарём в руке. Он не выглядел удивлённым.

— Не подходи, — сказала она.

— Я не собираюсь.

— Тогда отойди.

— Сначала послушай.

— Я уже много слушала. Теперь моя очередь решать.

Она двинулась к дороге. Тим не стал хватать её, но пошёл следом на расстоянии.

— Ты не знаешь, где находишься. Там нет транспорта до утра. И ты не знаешь, кто может быть на дороге.

— Зато знаю, кто находится за моей спиной.

— Я не причиню тебе вреда.

— Ты уже сделал.

Он остановился.

— Да.

Лина обернулась. Дождь стекал по её волосам, рукава толстовки промокли. Она чувствовала, как внутри поднимается злость, которую больше не хотелось сдерживать.

— Почему ты вообще согласился? Не говори про деньги. Не говори про работу. Я хочу знать, как ты объяснил себе, что имеешь право меня забрать.

Тим долго молчал.

— Я думал, что смогу контролировать ситуацию. Что задание будет ограниченным, что ты останешься невредимой, что отец заплатит или договорится, и всё закончится.

— Ты думал, что я — часть сделки.

— Да.

— А теперь?

— Теперь я знаю, что ошибся.

— Ошибся — это когда купил не тот кофе. Ты принял решение, из-за которого человек не знает, увидит ли своих близких.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь. Ты можешь уйти отсюда, а я нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.